

Ань Шаохуа вновь пришёл в себя, ощущая необычайную легкость. Его руки касались мягкого шёлкового одеяла, и в воздухе витал слабый аромат, напоминающий любимые матерью духи с нотами апельсина. С тех пор, как его семья была осуждена и сослана, он уже давно не чувствовал этого запаха. Сколько лет прошло?

Не было пронизывающего ветра, не было зловония, не было холодного и жирного одеяла, не было боли, которая проникала в него с каждым вдохом и каждым ударом сердца. Он чувствовал себя легким и спокойным.

Только что он был прикован к постели, и, кажется, происходило что-то еще...

А теперь...

Мысли его метались, но он облегчённо вздохнул. Наконец он умер. Ничто больше не имело значения. Смерть действительно приносила облегчение!

Он не хотел открывать глаза, но разум становился всё яснее. Вероятно, стоит открыть глаза, как его схватят бесы и поведут к судье. Что он скажет в зале суда Ямы? Какие были его заслуги и грехи в этой жизни?

Хм... Подумаем. Ань Шаохуа, прозвище Вэйцин, псевдоним Шань-кэ, известный как Чжоухуа-гун. Родился в семнадцатый год правления Кайлун, житель Юнъяня Великой Ю. Умер весной шестого года правления Чжаоянь в уезде У, в возрасте сорока семи лет.

Отец, Ань Юй, унаследовал титул в тринадцать лет, став первым маркизом Чжунъюн. При жизни он занимал пост командующего столичной гвардией, третьего ранга, был одним из ближайших советников императора. Мать была старшей дочерью боковой ветви семьи Се. Хотя она и принадлежала к боковой ветви, но унаследовала традиции семьи Се, обладая изысканными манерами и доброжелательным характером.

Ань Шаохуа был вторым сыном в семье. У него был старший брат, младший брат от наложницы, младшая сестра и шесть младших братьев от наложниц, а также одиннадцать младших сестер от наложниц.

Он всегда старательно заботился о родителях, заслужив звание почтительного сына. В отношениях с братьями он был дружелюбен и уважителен, независимо от того, были они родными или сводными.

С пяти лет он стал товарищем второго принца, проявляя усердие и почтительность. Он изучал шесть искусств и был прилежен во всём.

Уже в юности он прославился своим талантом, но оставался скромным, не стремился к богатству, не увлекался женщинами и не имел дурных привычек.

В пятнадцать лет, в день рождения бабушки, он признался в чувствах своей кузине Юэ'э в саду за домом. Весной, на третий день третьего месяца, когда ему исполнилось девятнадцать, он взял её в жёны как наложницу. Хотя она и не стала его главной женой, он окружил её любовью и заботой. Увы, его чувства были напрасны.

В шестнадцать лет, по велению родителей, он женился на Гу Мо, побочном сыне герцога Вэйго, который был на два года старше него. Их отношения были холодными... вежливыми и отчуждёнными... но... они соблюдали приличия... Ну, эта связь с Гу Мо была сложной, и трудно сказать, кто был прав, а кто виноват.

В восемнадцать лет, на день рождения вдовствующей императрицы, император Кайлун открыл особый экзамен, и Ань Шаохуа с блеском сдал его, заняв третье место. После получения звания, перед началом службы, он немного предавался удовольствиям, но смог вовремя остановиться и не допустил, чтобы это повлияло на его дела. В конце того же года он поступил в Министерство наказаний и считал, что оправдывает табличку с надписью, сделанной рукой основателя династии, висевшую в зале.

Он всегда тщательно подходил к расследованию дел, не боялся трудностей; работал в любую погоду, не брезговал грязной работой; выступал за справедливость, не боялся влиятельных людей. Он не был готов пожертвовать жизнью, но никогда не поступался совестью ради личной выгоды. Дело о призрачных солдатах в области Ши, дело о двойниках в области Тун, дело о восьми триграммах в области Хуай, дело о помощи в области Цы, дело о похищениях в области Ин — все эти дела несколько раз ставили его на грань жизни и смерти, но он не отступал. Он даже рисковал своей репутацией и карьерой, чтобы помочь людям добиться справедливости, и считал себя хорошим чиновником.

В двадцать восемь лет, по приказу самозванного императора, он заключил всю семью Гу, включая слуг, в количестве сорока семи человек, в их дом. Ань Шаохуа строго следовал инструкциям: получил указ, взял печать, вызвал войска, пересчитал людей и имущество, запер двери, наклеил печати, дал указания солдатам, лично подписал все документы.

Но он недооценил человеческую природу и стал орудием в руках самозванного императора.

Через год, когда второй принц вернулся, стало известно, что все сорок девять человек из семьи Гу, включая двух младенцев, погибли в своём доме, и их смерть была ужасной. По слухам, все, кто видел это, либо рыдали, либо плакали, либо видели кошмары.

Семья Гу, поколениями служившая в армии, была полна героев. Мужчины Гу в основном погибали на поле боя, поэтому в народе их уважали. Судебный медик пошёл туда со слезами на глазах и был вынесен в обмороке.

Семья Гу погибла ужасно. Кроме нескольких человек, умерших от болезни, остальные умерли от голода. Выяснилось, что все двери дома были заперты с момента их закрытия. Сколько бы люди внутри ни кричали, какие бы причины ни приводили, даже когда женщины и дети сковородками и ножами пытались вырваться, солдаты их избивали и бросали обратно.

Самозванный император пришёл в ярость и немедленно издал указ об аресте преступника Ань Шаохуа.

Ань Шаохуа в тот момент находился в области Лю, расследуя дело, когда внезапно появилась группа людей в официальной форме с указом императора. Без лишних слов его схватили. Ань Шаохуа был закован в кандалы и отправлен в столицу Юньань. Еще не доехав до области Цан, он получил новый указ, согласно которому его должны были отправить в область Цзи для воссоединения с семьёй, а затем сослать на крайний север. Там он пробыл ещё десять лет.

Много лет спустя Ань Шаохуа в одиночестве размышлял о том дне, когда семья Гу была заключена, и находил семь изъянов в плане самозванного императора.

Эти семь изъянов, если бы их заметили те, кто вёл дело, могли бы изменить ход событий. Но Ань Шаохуа всё равно был осуждён, даже без допроса, без суда, без подписания документов. Он знал, что это была рука самозванного императора, и многие в правительстве тоже знали. Но никто не заступился за него, или, может быть, кто-то пытался, но в итоге всю вину за гибель семьи Гу возложили на Ань Шаохуа.

Теперь все сорок девять человек из семьи Гу мертвы. Что толку размышлять об этом? Умершие ушли, а живым предстоит долгий путь страданий, чтобы успокоить народный гнев.

Был ли у народа такой гнев? Возможно. После сытного обеда, вспоминая семью Гу, люди, возможно, негодовали, а может, даже проливали слёзы. Но затем второй принц (будущий император Чжаоянь) и самозванный император (третий принц) начали войну, и за одну ночь Великая Ю погрузилась в хаос.

Семья Гу? Кто помнил о семье Гу? И уж тем более о семье Ань.

Но теперь это уже не имело значения. Если люди из семьи Гу захотят отомстить, он примет это. Что бы это ни было: ад гор мечей, раскалённые медные столбы, кровавые озера, каменные прессы — всё это, вероятно, его ждёт. Но ни одно из этих наказаний не подходит. Его грехи были похожи на то, что он сам больше всего ненавидел — они обходили закон. Было ли это преступлением? Да! Какое наказание предусмотрено? В кодексе нет. Ха... Какая ирония!

Если люди из семьи Гу захотят подать жалобу в зале суда Ямы, они, вероятно, припомнят все страдания Гу Мо в семье Ань и несправедливую смерть Цзинхэ.

Пусть бьют, пусть убивают. Ах да, он же уже умер, так что они не смогут убить его снова.

Один неверный шаг ведет к другому. Он не был лишен ненависти, но его ненависть к другим не могла сравниться с ненавистью к себе.

Гнев семьи Гу он будет гасить сам.

Если Гу Мо умрёт, пока он ещё не выпил суп забвения, у Ань Шаохуа есть много слов, которые он хотел бы сказать ему. Но, подумав, он понял, что всё можно свести к трём словам.

— Прости меня.

Гу Мо был прекрасным человеком: храбрым, добрым, красивым, оптимистичным. И была одна сцена, не такая уж важная, но часто всплывающая в памяти.

Он смутно помнил, как после расследования дела о призрачных солдатах в области Ши, Гу Фэн пришёл в дом, чтобы узнать подробности. Как-то так получилось, что братья начали пить, и, перебирая стаканами, они много говорили. Гу Мо напился и начал танцевать с мечом под цветущей грушей, сочинив стихотворение, что-то вроде: «Дым пожаров поднимается, смотря на северные земли... Сколько братьев и героев похоронено в чужой земле...». Тогда он хотел спросить, сам ли Гу Мо сочинил эти стихи или где-то услышал, но потом забыл.

В последующие годы, вспоминая Гу Мо, он часто думал о том дне, когда тот танцевал с мечом под грушей, такой красивый. Непонятно почему, но он вспоминал строку: «Под зелёным флагом покупают вино, пока цветут груши». Это не подходило по смыслу и не передавало сути. Он давно не думал о стихах, цветах, луне, ветре. Всё это стало чужим. Опять отвлекся.

Гу Мо был хорошим человеком, и бабушка говорила об этом в самом начале их брака. Ань Шаохуа всегда это понимал. На самом деле, если бы Гу Мо женился на любом другом мужчине, который предпочитает мужчин, это, вероятно, было бы счастливым союзом.